

могли удивляться властвовавшим над миром мощи и величию Рима, но какое же значение мог иметь для Алариха или Аттилы город Платона и Фидия?

Когда Афины достигли вершины гражданственной своей жизни, Перикл назвал их школой всей Греции. Исократ определяет значение Афин такими словами: они мудростью и красноречием превзошли прочие народы; их ученики сделались наставниками для других народов; коренным свойством греков вообще является ум, и их делает эллинами не столько общность происхождения, сколько афинское образование¹.

Истинно творческая эпоха Афин обнимала лишь короткий срок времени, но и его оказалось достаточно для создания такой необозримой полноты непреходящих образцовых творений культуры, какой во многих отношениях не могла достигнуть ни единая из последующих эпох.

Вслед за великими освободительными подвигами при Марафоне и Саламине расцвет Эллады в Афинах достиг чудного развития. В аттической литературе и искусстве вылилась вся сумма умственной мощи Греции. Мыслители, поэты, художники этой республики принимаются за воплощение высочайших духовных задач в области фантазии и познания и либо сами разрешают их в совершенных художественных формах, либо неразрешимые вековечные задачи завещают человечеству.

Совершеннейшая красота, чистая идеальность и общечеловечность произведений афинского гения были причиной того, что этот город еще в древности выбился из узконациональных рамок и стал средоточием умственного мира, а равно и образовательным центром для чужестранцев, которые в Афинах все одинаково чувствовали себя словно на родине.

Вполне справедливо замечание Вильгельма фон Гумбольдта, что мы привыкли видеть греков в чудном свете идеалистического преобразования. Впрочем, замашка эта повелась не только со времен Винкельманна, Вольфа, Кораиса, Кановы и Шаллера; в та-

¹ Панегирик. Гл. 13.